

ОБРАЗНОЕ ВИДЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА В ГЕОПОЛИТИКЕ: ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ

В. КРЫСТЕВ¹⁾

¹⁾Экономический университет Варны, бул. Князя Бориса I, 77, 9002, г. Варна, Болгария

Определяется видение пространства в критической геополитике, выражаемое через образ. Геополитическое представление о пространстве интерпретируется как результат геополитического взаимодействия последнего с внешним миром. Решающую роль в этом плане играют его историческое развитие, характер организации и поведение по отношению к другим геополитическим субъектам. Накопление данных процессов во времени формирует семантику стереотипных политических представлений о пространстве, таких как предназначение, безопасность, буферизация, склонность к интеграции и взаимопроникновению, привлекательность, конфликтность, центральность, периферийность и т. д., выражающихся в геополитическом образе. Образы пространства, которые приобретают все большее значение в геополитическом взаимодействии, направляют современную геополитику к более глубокому осмыслению статуса, роли и ориентации различных ее субъектов. Разработана системно-репрезентативная модель изучения геополитического образа пространства как основы методической направленности, представленной в качестве главной идеи исследования. Этой моделью автор поддерживает идею запуска алгоритма, который адекватно структурирует процесс формирования геополитического образа пространства. Модель синтезирует взаимодействие между основными факторами и элементами, которые формируют геополитическое видение пространства и проецируются на его образ в зависимых отношениях. Отображены атрибуты, определяющие формирование геополитического образа пространства: факторы восприятия пространства внутреннего и внешнего характера; источники восприятия пространства (социальный опыт и образование, искусство, медиа-продукция, карты, СМИ); геополитическая идентификация; геополитическая идентичность; геополитический дискурс; семантическая стратификация и масштабность геополитического образа. В этом отношении затронуты идентичность и политические дискурсы, лежащие в основе образного восприятия пространства. В методологическом аспекте отстаивается авторская позиция о том, что образы пространства раскрывают новый постструктуралистский слой геополитических исследований, соответствующий потребностям эпохи постмодерна.

Ключевые слова: постструктурализм; критическая геополитика; идентичность пространства; геополитический образ; геополитический дискурс.

IMAGINATIVE VISION OF SPACE IN GEOPOLITICS: APPROACH TO STUDY

V. KRASTEVA^a

^aUniversity of Economics – Varna, 77 Knyaz Boris I Boulevard, Varna 9002, Bulgaria

The vision of space in critical geopolitics, expressed through the image, is defined. The geopolitical concept of space is interpreted as the result of the geopolitical interaction of the latter with the outside world. Its historical development,

Образец цитирования:

Крыстев В. Образное видение пространства в геополитике: подход к изучению. *Журнал Белорусского государственного университета. География. Геология.* 2021;1:23–34. <https://doi.org/10.33581/2521-6740-2021-1-23-34>

For citation:

Krastev V. Imaginative vision of space in geopolitics: approach to study. *Journal of the Belarusian State University. Geography and Geology.* 2021;1:23–34. Russian. <https://doi.org/10.33581/2521-6740-2021-1-23-34>

Автор:

Вилиян Крыстев – кандидат географических наук; доцент кафедры экономики и организации туризма факультета менеджмента.

Author:

Viliyan Krastev, PhD (geography); associate professor at the department of economics and organisation of tourism, faculty of management. viliank@ue-varna.bg

the nature of organisation and behavior in relation to other geopolitical entities play a decisive role in this regard. The accumulation of these processes over time forms the semantics of stereotypical political ideas about space, such as: mission, security, buffering, a tendency to integrate and interpenetrate attractiveness, conflict, centrality, peripherality, etc., expressing themselves in a geopolitical image. The images of space, which are becoming increasingly important in geopolitical interaction, direct modern geopolitics to a deeper understanding of the status, role and orientation of various entities expressing geopolitics. A system-representative model of the study of the geopolitical image of space as a basis of methodological orientation, presented as the main idea of the study, has been developed. The model synthesises the interaction between the main factors and elements that form the geopolitical vision of space, which are projected onto its image in a dependent relationship. With this model, we defend the idea of launching an algorithm that adequately structures the process of forming a geopolitical image of space. The attributes that determine the formation of the geopolitical image of space have been displayed: factors of perception of space of internal and external character; sources of space perception (social experience and education, art, media products, maps, media); geopolitical identification; geopolitical identity; geopolitical discourse; semantic stratification and the scale of the geopolitical image.

Keywords: post-structuralism; critical geopolitics; identity of space; geopolitical image; geopolitical discourse.

Введение

Геополитика, рассматриваемая как область науки, политической идеологии или практическая деятельность (геостратегия), неразрывно связана с категорией пространства (в его географическом измерении). Через пространство геополитика выражает свою предметную сущность и оперирует в идеографическом и аналитическом дискурсах [1–8]. Отношение геополитики к пространству принципиально обусловлено стремлением к поиску и совершенствованию механизмов его освоения, а также управления им. Присущие определенным историческим периодам модели социальной организации и используемые технические средства оказывают существенное влияние на поведение геополитических субъектов (государств, коалиций, этнических и экономических районов, экономических субъектов, организаций различных типов и т. д.) в процессе взаимодействия с пространством. В последние три десятилетия сформировалось так называемое сетевое общество [9], в котором обмен информацией диктует политические настроения и намерения, требует нового способа геополитического «употребления» географического пространства.

В результате постоянного накапливания в геопространстве исторических процессов геополитика в аналитическом дискурсе все больше оперирует представлениями о нем. Являясь функцией общественного сознания, представления о пространстве трансформируются в образы, которые «кодифицируют» его, производя ощущения о месте и роли пространства в социальных процессах. Характеристики концентрации психологического заряда образа пространства становятся надежными атрибутами современного геополитического взаимодействия. Сила и масштаб их проявления посредством информационных и культурных механизмов затрагивают потенциал геополитических субъектов к использованию косвенных действий, а также накоплению так называемой мягкой силы [10]. В методологическом аспекте, по мнению автора, образы пространства раскрывают новый постструктуралистский слой геополитических исследований, соответствующий потребностям эпохи постмодерна. Исходя из такой постановки проблемы, цель статьи состоит в выяснении геополитической функциональности и значения образной атрибутики, изучении пространства на основе разработки конструктивной модели его системно-репрезентативного исследования.

От абсолютного к относительному пространству в геополитике

В соответствии с традиционным (с периода модернизма) схоластическим пониманием географическое пространство рассматривается как объективно структурированное и четко определенное на земной поверхности. Установление характера пространства осуществляется на основе структуралистского подхода посредством конвенциональной интерпретации его составных элементов (границы, конфигурации, сегментации, географическое положение), энтропии и эластичности с точки зрения внутренней неоднородности. В структурных рамках объективное пространство квалифицируется как *многомерное* [11] или *абсолютное* [12]. Такое пространство подчинено взаимосвязям между геоторией (пространство в его земных, подземных и надземных составляющих) и обществом, что подчеркивает его «материальное овеществление» [11, р. 12].

Взаимодействие с абсолютным пространством характерно для классической и отчасти постклассической (ревизионистской, модернистской) геополитики. С позиций структурализма пространство подчинено объективным характеристикам с рациональной точки зрения, а в зависимости от географических координат определяется положением относительно сторон света, Мирового океана (приморское или

континентальное). Абсолютное пространство находит реальное воплощение в развитии геополитических теорий для проектирования государственной власти (органическая теория государства (Ф. Ратцель)) и концепций, структурирующих геосумму с сильным упрощением географической реальности (концепции морской силы (А. Мэхэн), хартленда (Х. Маккиндер), панрегионализма (К. Хаусхофер), хартленда – римленда (Н. Спайкмен)). В этих концепциях, использующих в качестве основного средства геополитической интерпретации географические карты [13], пространство характеризуется свойствами, выражающими его в структурном профиле. Физические особенности пространства усугубляются догматом географического детерминизма, который определяет взаимодействие между географией и политикой, опираясь на подчиненную пространственную нормативную константу: теллуократия – талассократия, континентализм – атлантизм, восток – запад, север – юг. Пространство данного типа «семантически замкнуто» и «однозначно» в своей геополитической идентификации, оно определяет себя как «евклидово, декартово, однородное, подчиняющееся законам ньютоновской физики»¹ [14, р. 3–4]. Картезианская логика в этом смысле рассматривает пространство как «внешнее по отношению к субъекту» [14, р. 98], исследуя его в зависимости от структурных элементов.

Абсолютное пространство также занимает лидирующие позиции в геополитике идеологического и экономического дискурсов холодной войны. Однако, в отличие от классического, в постклассический период структурное измерение геополитического потенциала пространства смещается с естественных факторов на социальные (экономика, культура, демография, транспорт, технологические и информационные ресурсы). Экстраполяция их влияния в пространстве создает более сложные ситуации соперничества и зависимости, значительно расширяющие предметную и проблемную области геополитики. Опора на тенденцию, которая подчиняется структурализму пространства, характерна и для так называемого радикального течения геополитической мысли (под влиянием идей И. Лакоста и школы «Геродот») с той разницей, что предпочтение отдается выражающим его региональным и локальным геополитическим системам [15].

Со второй половины XX в. с ростом мобильности людей и повсеместным внедрением технологий в сфере коммуникации и информации отношение к географическому пространству стало медленно меняться, в то время как в его структурной интерпретации наблюдался постоянный кризис. Характерные для абсолютного пространства связи системно-структурного порядка заменяются доминированием исторического и социального контекстов [16]. Структурализм, основанный на изучении пространства как комплекса материальных форм, постепенно уступает место постструктурализму. Последний опирается на восприятие пространства, которое меняется в зависимости от социальной практики [17; 18].

В качестве научного подхода постструктурализм направлен на раскрытие набора формирующих пространство стереотипных представлений, неоднозначных по своему значению. Как таковые в геополитике устанавливаются измерения представлений о пространстве: сильное или слабое; безопасное или небезопасное; близкое или далекое; центральное или периферийное; родственное, чужое или нейтральное и т. д. Данные субъективные особенности трансформируют пространство в форму ментальной конструкции, что приводит к его классификации как *относительного* или *переходного* [11; 19]. В постструктуралистском ракурсе пространство – это продукт сознания и воображения, полученный посредством символизации дискурсов и образов как «отражение исторической памяти общества» [20, р. 50].

Под влиянием социальных отношений, как внутренних, так и внешних, возникающих в результате взаимодействия с другими пространствами, относительное пространство сильно изменяется во времени. Это и является причиной ссылки на генетические корни пространства в истории, самобытности, культуре и ценностях населявших его народов. Социальная практика моделирует понятие пространства, превращая его в относительное – политическое, экономическое, этническое, идеологическое, культурное, информационное. Однако в большинстве случаев между этими качественными измерениями нет четких различий, поскольку пространство, в котором живет человек и материализуется его деятельность, является «социально сконструированным феноменом» [12, с. 19].

Ведущей тенденцией в конце межблочного противостояния холодной войны стали постструктуралистские исследования пространства в геополитике, представленные в идеях французского географа Ж. Готмана (1915–1994). Он вводит понятие иконографии пространства, выражающее мифы его социальной природы, возникшие под влиянием символизма и отраженные в истории, религии, культурных традициях и искусстве [21]. Понимаемая сообществом как своего рода ментальная матрица – икона окружающего мира, иконография трансформирует объективное пространство в социальное, придавая ему историческую идентичность. Геополитическое значение иконографии выражается в чувстве привязанности народов к определенным территориям, возникшем вследствие приобретенной духовной связи. Сквозь призму иконографии, например, можно объяснить особое отношение (под влиянием

¹Здесь и далее перевод наш. – В. К.

мифа об исконной территории) сербов к Косово, русских к Украине, румын к Молдове, азербайджанцев к Карабаху и др. [12]. Под влиянием иконографии также развиваются проекты великодержавности: «Великая Болгария» («Болгария на трех морях»), «Великая Сербия», «Великая Греция» и т. д. В духе глобализации в ее вестернизированной форме иконография является необходимым атрибутом для разрушения «утопического видения унифицированного мира» [22, с. 259]. В последнем отношении на фоне социокультурного и политико-экономического влияния Запада, который пользуется идеологическим превосходством и лидерством после окончания холодной войны, иконографические представления трансформируют пространства «рельефно», раскрывая разнообразие мира и уникальность различных мест.

Нагруженное смыслами и функциями относительно пространство считается центральной предметной областью постмодернистской (критической) геополитики [23–26]. Научное объяснение этого новейшего курса геополитической мысли вытекает из возросшего влияния социальных наук на политические процессы, которые в корне меняют представление о пространственном распределении власти в результате ускоренной глобализации. Методологически на постструктуралистское исследование пространства в критической геополитике влияют идеи французских философов М. Фуко (1926–1984) и Ж. Деррида (1930–2004) о деконструкции материального мира. Исследовательский процесс осуществляется с использованием заимствованного у гуманитарных наук (социология, политология, культурология, культурная география, социальная психология) инструментария, через который пространство рассматривается в социальной и исторической семантике (с символами, изображениями, нарративами). Содержание их понимания направляет внимание критической геополитики на изучение идеализированных представлений о пространстве [24; 27; 28].

Информатизация общественной жизни и связанные с ней образно-географические конфигурации геополитического пространства совпадают с ликвидацией биполярной геополитической модели в мире. Распад социалистического блока и многонациональных государств в нем (СССР, Югославия, Чехословакия), объединение ФРГ и ГДР стимулируют глубокие изменения в мировой структуре международных отношений. Эти процессы развиваются одновременно с ростом экономической глобализации и кросс-культурности, а также фрагментации (с точки зрения неравного участия отдельных стран и регионов в глобальном взаимодействии) планетарного политического пространства. С учетом новых политических реалий после окончания холодной войны возникновение критической геополитики считается закономерностью, продиктованной необходимостью уловить «связь между идеями и политическими практиками, связанными с территориальным экспансионизмом и доминирующей ролью пространства» [29, с. 127].

Изначально критическая геополитика была ориентирована на критику традиционного (основанного на структурализме) геополитического подхода к исследованию пространства. В первую очередь это касается упрощенных поляризованных моделей глобального геополитического пространства (*суша – море, запад – восток, север – юг, хартленд – римленд* и т. д.), а также характерного евроцентризма в аналитических интерпретациях. В то же время критика, направленная на недооценку универсальных моделей мироустройства, связана с переходом к более глубокому анализу пространственных факторов, влияющих на политические процессы [14; 28; 30]. В частности, предполагается, что «география является продуктом истории соперничества между политическими субъектами власти, навязывающими власть для организации, завоевания и управления пространством» [14, р. 2].

Впоследствии в центре внимания критической геополитики оказывается изучение субъективных факторов, влияющих на представления о пространстве [26; 27; 31; 32]. Субъективный политический взгляд на пространство используется в качестве основного ориентира, артикулирующего его нарративами, символами и образами (под влиянием личного опыта, СМИ, рекламы, медиапродукции, массовой культуры и т. д.) в отношении политического веса и привлекательности пространства. Этот процесс связан с «производством значений» сквозь призму социально структурированного дискурса в форме набора пространственных знаков, языковых и культурных норм. Дискурс направляет к виртуальному ощущению пространства, определяющему его идентичность и роль в международной политической реальности. Со стороны государственной или региональной политики образы и дискурсы устанавливаются как эффективное средство достижения политических и экономических выгод, главным образом посредством «мягкой силы» [10]. Базовым элементом стереотипного образа выступает привлекательность места, что проявляется в таком важном факторе, как «внешнее признание» [33, с. 112].

Представления о пространстве трансформируют критическую геополитику в социальную науку, в которой основное внимание уделяется географическому воображению, основанному на пространственных мифах и геосимволизме [24; 25; 29]. Геополитическое видение, в соответствии с его социальной природой, может быть целенаправленно сформировано в целях достижения политических и экономических выгод. В этом случае возрастает роль пространства в качестве инструмента геополитического

взаимодействия, подчеркивающего конкурентный потенциал выражающих его субъектов [34]. В связи с этим даже классические геополитические концепции, соотносящиеся с понятиями «хартленд», «римленд», «панрегион» и т. д., могут быть представлены как один из вариантов «мифологизации пространства», стереотипизирующих реальность [35, с. 77].

В эпоху постмодерна обмен информацией в сетевом обществе усиливает представления о пространстве в сторону его идентичности. В общественном сознании этот процесс сводится к синтезу взглядов на территориальную и культурную принадлежность, сферу интересов, желаемую модель развития, историческую цель и т. д., накопленных как его гражданами, так и внешним миром. Идентичность связана с культивированием чувств, мифов, иррациональности, аморфности пространства, которые кристаллизуются в форме характерных образов [6]. Последние формируются под влиянием различных факторов (семейные традиции, образование, личный опыт, реклама, литература, искусство, кино, СМИ), «производящих и распространяющих набор мифов, стереотипов и представлений о национальной истории и территории» [36, с. 38]. В этом плане относительное пространство является не только замкнутой гуманизированной средой, но и внешним контекстом (через характерную символику), который влияет на намерения и решения геополитических субъектов [7; 37].

Дискурсы, синтезирующие определенные геополитические представления о пространстве сегодня, в основном связаны со СМИ, которые в большинстве случаев служат частным или корпоративным интересам. Однако через них в общественном сознании закладываются прочные представления о геополитическом статусе, функциях и ориентации различных типов пространств [14]. В связи с этим возрастает роль механизмов управления информацией, что заставляет геополитику обращаться к исследованию пространства через «картографию человеческой души», «символический капитал культуры», «виртуальный мир символов» [38, с. 6]. Опираясь на соответствующую информацию, можно управлять и манипулировать представлениями о пространстве. По этой причине современная геополитика ориентирована на проектную деятельность по планированию и моделированию географических образов пространства, «которые способны трансформировать реальную политическую карту и фактически управлять ей» [6, с. 64].

Геополитический образ пространства

Сравнительно точное определение сущности образной пространственности (географического образа) дал Д. Н. Замятин: «...совокупность ярких, характерных знаков, символов, ключевых представлений определенного пространства» [39, с. 49]. Семантика географического образа сравнивается с анимированной (одухотворенной) моделью земной поверхности, которая персонализирует и ориентирует развитие пространства. Образ эволюционирует во времени, насыщается событиями и процессами, размножается, впитывая различные смысловые значения. Последние стратифицируют его на различных уровнях в образную траекторию, создавая гетерогенное семантическое ощущение пространства на основе геоисторических, геосоциальных, геоэкономических, геокультурных, геополитических образов [39].

Изучение образа пространства, как правило, базируется на использовании феноменологического подхода, чьи изначальные методологические основы разработаны в философии [16; 40; 41]. Характер применения этого подхода ориентирован на описательно-репрезентативный способ исследования пространства с точки зрения его значения и функций в общественном восприятии. Изучая культивируемые в общественном сознании мифы, нарративы и различного рода символики, рассматриваемые как знаки ландшафтной реальности, феноменология раскрывает особенности пространства, такие как отношение, уникальность, преодоление, притягательность, привлекательность. В совокупности данные характеристики параметризуют пространство в определенной семантике, которая создает ощущения в его восприятии: топофильное или топофобное, центральное или периферийное, сильное или слабое, свое или чужое [42–44]. М. Оже в своих исследованиях, посвященных антропологическому осмыслению значения пространства, которое характеризует его сущность для общественного сознания, рассматривает понятия исторического места и лишённого идентичности пространства [45].

Результатом политического понимания пространства выступает его геополитический образ. Он является функцией географического образа под влиянием прежде всего (гео)политического дискурса о пространстве. Геополитический образ в совокупности составляющих его когнитивных сегментов характеризуется сложной и одновременно иерархической структурой геополитического видения. Данная особенность позволяет квалифицировать его как «общественно наиболее значимый», «максимально анаморфированный» и «наиболее масштабный» географический образ [6, с. 190].

Формирование геополитического образа является результатом геополитического взаимодействия пространства с внешним миром. Решающую роль в этом плане играют его историческое развитие, ха-

рактиер организации и поведение по отношению к другим геополитическим субъектам. Составляющие субъекта, выражающие пространство (страна, регион, коалиция), включают политические решения, дипломатию, внешнеэкономическую деятельность, культурный диалог и т. д. Накапливание этих процессов во времени формирует семантику стереотипных политических представлений о пространстве, таких как предназначение, безопасность, тенденция к интеграции, привлекательность, конфликтность, центральность, периферийность и др., кристаллизующихся в геополитический образ.

С точки зрения критической геополитики геополитический образ содержит нормы и традиции восприятия в понимании пространства на разных уровнях, что широко распространено в «низкой» и «высокой» геополитике [26; 46]. «Низкая» геополитика отождествляется с геополитическим восприятием в массовом общественном сознании, т. е. на низком уровне. Геополитические образы низкого уровня обычно являются результатом воздействия массовой информации, традиций, норм воспитания и образования. «Высокая» геополитика охватывает восприятие пространства в сознании государственной элиты и академических кругах [37; 47]. Образы на низком и высоком уровнях переплетены, поскольку взаимно подпитывают друг друга, меняя с течением времени геополитическое видение пространства [36].

Необходимость создания геополитического образа может быть продиктована как внутренними (в рамках определенного политического пространства) призывами к консолидации или оптимизации определенных процессов, так и курсом политико-экономического и культурного взаимодействия с внешним миром (другими странами, территориями). В Европейском союзе, например, часто эксплуатируемый эндогенный геополитический образ, нацеленный на сопричастность и взаимопонимание по конкретным политическим вопросам, – это образ европейской семьи или европейского дома, хотя культурная и политическая история его отдельных стран и регионов, периферийных частей достаточно разнообразна. С другой стороны, экзогенный геополитический образ Евросоюза традиционно подчинен евроатлантической интеграции. Он призван подчеркнуть геополитическую принадлежность (а в некоторых случаях даже лидерство) объединенной Европы к Западу.

Изначальное определение геополитического образа пространства обычно основывается на образах-архетипах или ядерных образах [6], которые придают ему достаточно устойчивые стереотипные черты. Как таковые следует рассматривать образы, когнитивно связанные с социокультурным и историческим развитием пространства в ретроспективе. Характерная особенность образов-архетипов заключается в том, что они дают упрощенное (штампованное) геополитическое представление о пространстве, но обрамляют его геополитическую идентичность и служат отправной точкой для вторичных образных конфигураций. Например, для такой страны, как Болгария, образами-архетипами, выражающими ее геополитическую идентичность, являются следующие: Восточная Европа, православная культура, славянская этническая и языковая идентичность, балканская идентичность [48; 49]. Ядерные образы, влияющие на ее текущий геополитический статус, – евроатлантическое пространство, экономическая периферия Европы, маленькая страна, «дешевая» туристская дестинация [50]. Для такой страны, как Россия, ключевые геополитические образы-архетипы традиционно подпитываются концепцией «Москва – Третий Рим», которая подчеркивает ее мессианскую роль в качестве ведущего христианского центра. Историко-географической основой геополитической индивидуальности российского государства являются идеологическое геополитическое прошлое советской эпохи (коммунизм, культ личности, авторитарное правление), идея России – Евразии. Последний образ-архетип находит воплощение в неоевразийской концепции, воспринимаемой как некая формула для российской модели геополитической перспективы после распада СССР [51–53].

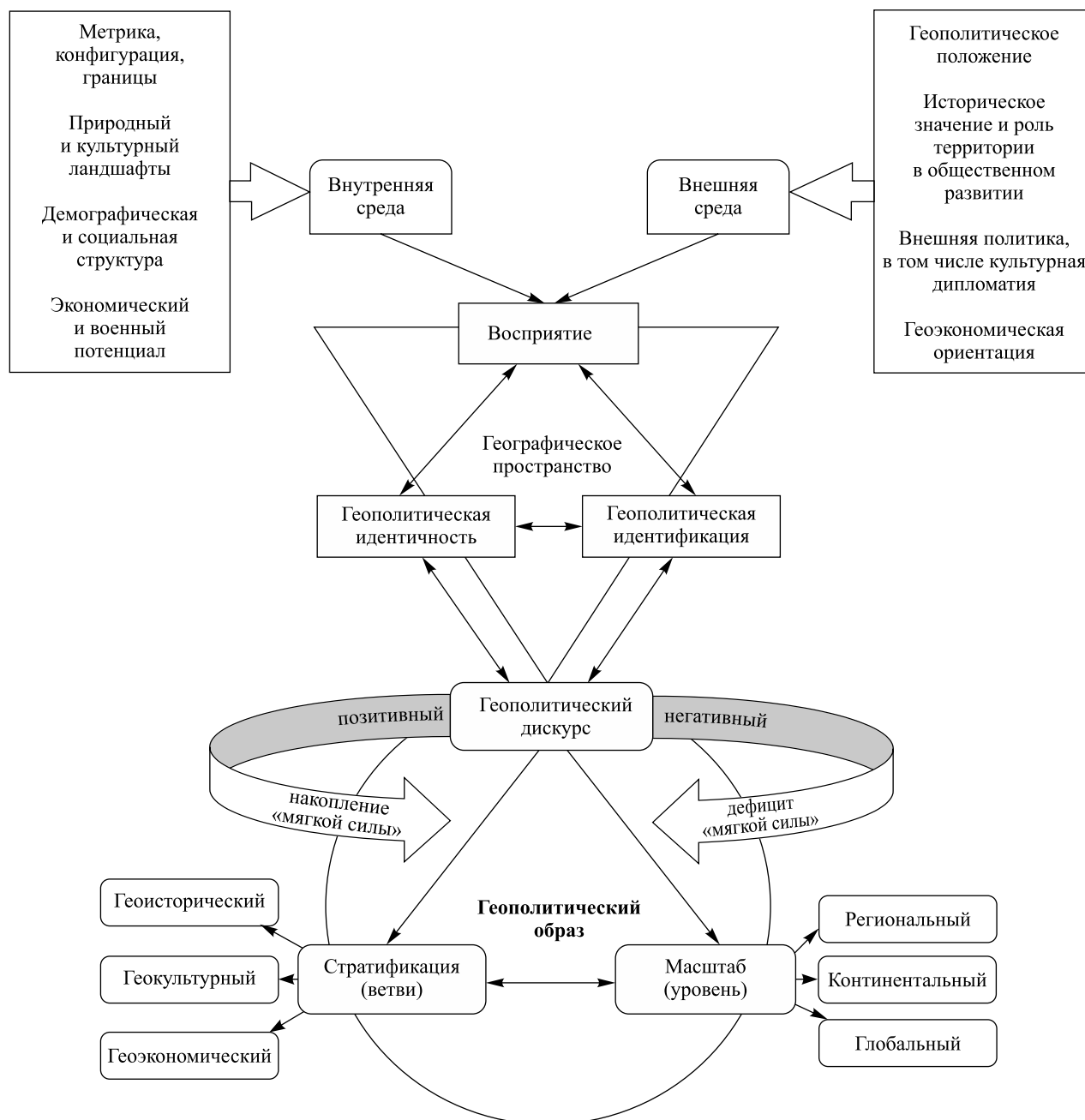
Рассмотренный в деталях геополитический образ является многослойным, что делает его гораздо более разнородным и многогранным. Это результат сложного взаимодействия социокультурных, политических и экономических слоев на пространственной основе. Политический дискурс различного рода социальных процессов, протекающих в пространстве, способен расщеплять геополитический образ на исторические, культурные или экономические составляющие. В его содержании также отражаются символы национальной истории и географии в восприятии местных сообществ и внешнего мира, устойчивые элементы цивилизационного характера, типичные особенности социокультурной среды и экономических процессов, уровень и степень вовлеченности в мировую экономику и политику и т. д.

Модель исследования геополитического образа пространства

Геополитический образ, представляющий собой стереотипную проекцию географического пространства, является результатом наслоения различных элементов и процессов политически осмысленной реальности. Рассматриваемые как ткань из знаков, они подчеркивают типичные особенности территории и ее геополитическое положение, природные и культурные ландшафты, международный политический

статус, геополитические функции и др. Переплетение характерных особенностей пространства через призму восприятия выражается сложной стратификацией и масштабом проявления, что затрудняет построение конфигурации комплексной модели геополитического видения пространства. Учитывая это обстоятельство, но придерживаясь упрощенной версии схематического изображения, автор предлагает двухступенчатую системно-репрезентативную модель изучения геополитического образа пространства. Схема основана на подчиненной зависимости образа от особенностей пространства в иерархическом порядке (см. рисунок).

Системно-репрезентативная модель геополитического образа пространства
Systematic representative model of the geopolitical image of space

Геополитическое видение пространства подчинено восприятию различных факторов внутреннего и внешнего характера. Динамика и сила их проявления меняются со временем и зависят от конфигурации и метрики пространства, его социальной структуры, экономического и военного потенциала, ландшафтного своеобразия, типа общественно-политической организации, геополитических отношений с внешним миром, геоэкономической ориентации. В совокупности все факторы, влияющие на вос-

приятие пространства, преломляются сквозь призму источников восприятия (социальный опыт и образование, искусство, медиапродукция, карты, СМИ). Социальный опыт и образование формируют пространственные представления, связанные с определенным опытом и значениями подлинности. Искусство (живопись, литература, архитектура, сценическое искусство) тесно связано с мифологизацией пространственной уникальности, отраженной в самобытности места. Медиапродукция (реклама, кино, музыка) создает настроение в понимании пространства, которое моделирует нюансы в подсознательном его восприятии (с точки зрения известности, привлекательности, доступности и др.). Карты влияют на формирование образа пространства в общественном сознании через «искушение простоты» и «универсальную понятность» [54, р. 573]. Закодированные в сознании, эти представления переходят в так называемые ментальные карты, на которых пространство приобретает ярко выраженные репрезентативные культурно-образные черты. По мнению В. Н. Калуцкова, как типичный инструмент географии (и геополитики) карта не только предоставляет объективную информацию об окружающем мире, но и «всегда придает ему образ, даже если пользователь не стремился к этому» [55, с. 58]. В сетевом обществе, однако, можно предположить, что наиболее существенное влияние на процесс идентификации и структуру идентичности географического пространства оказывают СМИ.

Атрибуты, которые лежат в основе геополитического видения географического пространства, касаются его идентификации и идентичности. Идентификация выражает восприятие пространства как места памяти, опираясь на особенности ландшафта, отличающие его от остального мира. Однако, как указывает К. Магрис, ландшафт как понятая реальность – это не только «природа и архитектура, заливы, леса и дома, травяные и каменные дорожки, но и общество, люди, движения, привычки, предрассудки, страсти, еда, флаги, вера» [56, р. XVII]. В этом отношении ландшафт обладает как материальным, так и нематериальным измерением, что придает пространству характерную символику, значение и динамику [57]. Идентичность, как правило, это форма индивидуального или коллективного самоопределения к конкретному сообществу, отражающая «перспективу, с которой мы воспринимаем окружающий мир» [58]. Она опирается на серию маркеров сопричастности (род, язык, обычаи, символика, ценности), основанных на географических, исторических и культурных компонентах и отражающих нормы и сочетание социальных зависимостей. Особая форма коллективной идентичности – территориальная идентичность, которая в информационную эпоху отождествляется в первую очередь с образами пространства, базирующимися на определенных культурных ландшафтах [59–61]. Геополитическая идентичность пространства основана на элементах идентификации, выражающихся в идеях принадлежности к тому или иному сообществу, а также в осмыслении положения пространства в процессе его геополитического взаимодействия с другими пространствами [12]. В своей первичной форме геополитическая идентичность связана с пространственной рефлексией геополитических образов-архетипов.

Интерпретация и репрезентация символов и знаков из контекста (исторические и литературные тексты, публикации о социально-политических и экономических событиях в СМИ), влияя на геополитическую идентификацию и идентичность пространства, формируют геополитический дискурс о нем. Изучение тенденции этого дискурса позволяет выявить общую когнитивную конструкцию геополитического образа. В зависимости от характера восприятия информации и влияния политических событий на пространство семантика геополитического дискурса характеризуется топофильными и топофобными чертами. Взаимоотношение между этими чертами определяет возможности для накопления «мягкой силы» в геополитическом образе, что имеет особое значение для повышения статуса и роли субъекта, выражающего пространство в геополитическом взаимодействии.

Углубленное исследование геополитического образа предполагает дискурсивное «распутывание» его когнитивной конструкции с выделением стратифицированных представлений и географической масштабности проявления. Образная стратификация определяется степенью гетерогенного «наслоения» ментальных геополитических представлений о пространстве, среди которых наиболее важны измерения геоисторического, геокультурного и геоэкономического образов. Согласно предложенной модели масштабность является степенью проявления геополитического образа в зависимости от роли и статуса пространства в геополитическом взаимодействии на региональном и (или) глобальном уровне.

Заключение

Переход от объективного к субъективному восприятию пространства в геополитике – это закономерный процесс, продиктованный потребностями эпохи постмодерна. Во взаимосвязанном сетевом обществе географическое пространство, в котором живет и творит человек, наполнено серией образов, функционирующих в различных вариантах стилизованных конфигураций. Эти образы создают стереотипные представления о пространстве, которые впоследствии находят воплощение в политической и экономической ориентации, конкурентоспособности и характере его взаимодействия с внешним ми-

ром. С прагматической точки зрения, по мнению В. А. Колосова, географический образ пространства, основанный на политических представлениях, выполняет тройственную функцию: отражает и укрепляет региональную идентичность; помогает обосновать политическую повестку дня и способствует ее легитимизации в глазах граждан; служит ориентиром перспективного территориального планирования [62]. Наиболее сильно эффект его целенаправленного создания традиционно проявляется в сочетании с региональным самосознанием населяющих пространства сообществ. Последние, признавая образ пространства таким, каким хотят его видеть, повышают устойчивость геополитического потенциала пространства.

Предлагаемая системно-репрезентативная модель геополитического образа пространства не является исчерпывающей. В зависимости от социальной практики и цели исследования схема может претерпевать изменения в направлении сокращения элементов или, наоборот, расширения факторных зависимостей восприятия, а также представления о пространстве в соответствии с его гетеротопией. Однако с помощью данной модели автор предлагает идею создания конструктивного алгоритма, который адекватно структурирует процесс формирования геополитического образа пространства. Представленная модель направлена на систематизацию и обобщение эмпирических знаний о геополитическом образе пространства для достижения в перспективе более точных (учитывая субъективность материи) результатов.

Библиографические ссылки

1. Massi E. Geopolitica: dalla teoria originaria ai nuovi orientamenti. *Bollettino della Società Geografica Italiana*. 1986;11(3/1–6): 3–45.
2. Göney S. *Siyasi coğrafya. Cilt 2*. Istanbul: Istanbul Üniversitesi; 1993. 175 s.
3. Lacoste Y. Che cos'è la Geopolitica? (I). *Limes*. 1993;4:265–270.
4. Колосов ВА, Мироненко НС. *Геополитика и политическая география*. Москва: Аспект Пресс; 2001. 479 с.
5. Agnew J. *Geopolitics: re-visioning world politics*. 2nd edition. London: Routledge; 2003. 154 p.
6. Замятин ДН. *Власть пространства и пространство власти. Географические образы в политике и международных отношениях*. Москва: РОССПЭН; 2004. 352 с.
7. Jean C. *Manuale di geopolitica*. 4° edizione. Roma: Laterza; 2007. 348 p.
8. Дугин АГ. *Геополитика*. Москва: Академический проект; 2011. 583 с. Совместно с издательством «Гаудеамус».
9. Castells M. *The information age: economy, society and culture. Volume 1. The rise of the network society*. Oxford: Blackwell Publishers; 1996. 594 p.
10. Nye JS Jr. *Soft power. The means to success in world politics*. New York: Public Affairs; 2004. 191 p.
11. Turco A. Pragmatiche della territorialità: competenza, scienza, filosofia. *Bollettino della Società Geografica Italiana*. 2000; 11(5/1–2):11–22.
12. Окунев ИЮ. Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий. *Сравнительная политика*. 2018;9(1):18–25. DOI: 10.24411/2221-3279-2018-00002.
13. Parker G. *Geopolitics: past, present and future*. London: Pinter Publishers; 1998. VIII, 199 p.
14. Ó Tuathail G. *Critical geopolitics. The politics of writing global space*. Minneapolis: University of Minnesota Press; 1996. 326 p.
15. Бъчваров М, съставител. *Геополитика. Терминологичен справочник*. София: Петексон; 1999. 196 с.
16. Vallega A. *Geografia culturale: luoghi, spazi, simboli*. Turin: UTET Università; 2003. XV, 381 p.
17. Harvey D. *The condition of postmodernity: an enquiry into the origins of cultural change*. Oxford: Blackwell Publishing; 1989. IX, 378 p.
18. Soja EW. *Postmodern geographies: the reassertion of space in critical social theory*. London: Verso; 1990. 228 p.
19. Abler RF, Adams JS, Gould P. *Spatial organization: the geographer's view of the world*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall; 1971. 587 p.
20. Settis S. *Paesaggio, costituzione, cemento. La battaglia per l'ambiente contro il degrado civile*. Turin: Einaudi; 2010. 326 p.
21. Gottmann J. *La politique des États et leur géographie*. Paris: Armand Colin; 1952. XI, 228 p.
22. Бъчваров М. Сблъсък на цивилизацията или културна иконография в глобализацията се свят. В: Кръстева А, съставител. *Общности и идентичности в България*. София: Петексон; 1998. с. 241–261.
23. Dalby S. Critical geopolitics: discourse, difference and dissent. *Environment and Planning D: Society and Space*. 1991;9(3): 261–283. DOI: 10.1068/d090261.
24. Ó Tuathail G, Agnew J. Geopolitics and discourse: practical geopolitical reasoning in American foreign policy. *Political Geography*. 1992;11(2):190–204. DOI: 10.1016/0962-6298(92)90048-X.
25. Sharp JP. Publishing American identity: popular geopolitics, myth and the reader's digest. *Political Geography*. 1993;12(6): 491–503. DOI: 10.1016/0962-6298(93)90001-N.
26. Dalby S, Ó Tuathail G. *Rethinking geopolitics*. London: Routledge; 1998. 333 p.
27. Antonsich M. Itinerari geopolitici contemporanei. *Quaderni del Dottorato di Ricerca in Geografia politica*. 1995;5:15–57.
28. Окунев ИЮ. *Геополитика микрогосударств*. Москва: МГИМО-Университет; 2014. 243 с.
29. Окунев ИЮ. Географическое воображение как предмет исследования критической геополитики (обзор). *Политическая наука*. 2009;4:126–137.
30. Ó'Loughlin J, Ó Tuathail G, Kolossov V. Russian geopolitical culture and public opinion: the masks of Proteus revisited. *Transactions of the Institute of British Geographers*. 2005;30(3):322–335. DOI: 10.1111/j.1475-5661.2005.00174.x.

31. Ó Tuathail G. Understanding critical geopolitics: geopolitics and risk society. *Journal of Strategic Studies*. 1999;22(2–3): 107–124. DOI: 10.1080/01402399908437756.
32. Müller M. Reconsidering the concept of discourse for the field of critical geopolitics: towards discourse as language and practice. *Political Geography*. 2008;27(3):322–338. DOI: 10.1016/j.polgeo.2007.12.003.
33. Бусыгина ИМ, Окунев ИЮ. Пространственное распределение силы и стратегии государств, или Что и как объясняет геополитика. *Полис. Политические исследования*. 2014;2:106–123.
34. Бусыгина ИМ. Судьба географических знаний в политической науке и образовании. *Полис. Политические исследования*. 2003;1:149–158.
35. Окунев ИЮ, Кучинов АМ. Сопряжение пространства и власти: многообразие ликов современной геополитики. *Международные процессы*. 2013;11(3–4):74–84.
36. Колосов ВА. Критическая геополитика: основы концепции и опыт ее применения в России. *Политическая наука*. 2011;4:31–52.
37. Колосов ВА. «Низкая» и «высокая» геополитика. *Отечественные записки*. 2002;3:33–51.
38. Василенко ИА. *Геополитика современного мира*. Москва: Гардарики; 2006. 317 с.
39. Замятин ДН. *Гуманитарная география: пространство и язык географических образов*. Санкт-Петербург: Алетейя; 2003. 331 с.
40. Замятин ДН. Феноменология географических образов. *Социологические исследования*. 2001;8:12–21.
41. Козолупенко ДП. *Мифопоэтическое мировосприятие*. Москва: Канон-плюс; 2009. 432 с.
42. Tuan Y-F. Space and place: humanistic perspective. In: Gale S, Olsson G, editors. *Philosophy in geography*. Dordrecht: Springer; 1979. p. 378–427. (International series in the philosophy and methodology of the social and behavioral sciences; volume 20). DOI: 10.1007/978-94-009-9394-5_19.
43. Agnew JA. Space and place. In: Agnew JA, Livingstone DN, editors. *Sage handbook of geographical knowledge*. London: SAGE Publications; 2011. p. 316–331. DOI: 10.4135/9781446201091.n24.
44. Замятин ДН. Географические образы мирового развития. *Общественные науки и современность*. 2001;1:125–137.
45. Оже М. *Не-места. Введение в антропологию гипермодерна*. Коннов АЮ, переводчик. Москва: Новое литературное обозрение; 2017. 136 с.
46. Dodds K. Political geography III: critical geopolitics after ten years. *Progress in Human Geography*. 2001;25(3):469–484. DOI: 10.1191/030913201680191790.
47. Дроздов АЮ. Психологические аспекты массового геополитического сознания. *GESJ: Education Science and Psychology*. 2013;2:8–15.
48. Todorova M. *Imagining the Balkans*. New York: Oxford University Press; 1997. 272 p.
49. Михайлов ВТ. Балканы как пространство проблемной наднациональной идентичности. *Культурная и гуманитарная география*. 2013;2(2):140–152.
50. Крыстев В. Туризм как инструмент «мягкой силы»: геополитическая интерпретация на примере Болгарии. *Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов*. 2017;6:92–102.
51. Орлова ИБ. *Евразийская цивилизация. Социально-историческая ретроспектива и перспектива*. Москва: Норма; 1998. 275 с.
52. Дугин АГ. *Проект «Евразия»*. Москва: Эксмо; 2004. 512 с.
53. Замятин ДН. Геократия. Евразия как образ, символ и проект российской цивилизации. *Полис. Политические исследования*. 2009;1:71–99.
54. Corna-Pellegrini G. Cartografia e geografia: un rapporto in evoluzione. *Bollettino della Società Geografica Italiana*. 1982; 10(11):565–576.
55. Калуцков ВН. Географические подходы к созданию историко-культурных образов. В: Малькова ВК, Тишков ВА, редакторы. *Культура и пространство. Книга 2. Историко-культурные бренды территорий, регионов и мест*. Москва: ИЭА РАН; 2010. с. 58–82.
56. Magris C. *L'infinito viaggiare*. Milano: Mondadori; 2005. XXVIII, 243 p.
57. De Blij HJ. *Geografia umana. Cultura, società, spazio*. Bologna: Zanichelli; 2002. 544 p.
58. Стойчева М. *Европейска идентичност. Теоретични дилеми и аналитични подходи*. София: Св. Климент Охридски; 2016. 368 с.
59. Paasi A, Zimmerbauer K. Theory and practice of the region: a contextual analysis of the transformation of Finnish regions. *Treballs de la Societat Catalana de Geografia*. 2011;71–72:163–178.
60. Замятин ДН. Идентичность и территория. В: Семенов ИС, Фадеева ЛА, Лапкин ВВ, Панов ПВ, редакторы. *Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции; 21–22 октября 2010 г.; Москва, Россия*. Москва: ИМЭМО РАН; 2011. с. 186–203.
61. Замятина НЮ. Территориальные идентичности и социальные структуры. *Общественные науки и современность*. 2012; 5:151–163.
62. Колосов ВА. Географические образы и геополитические представления: пути формирования и подходы к изучению. *Вестник Дальневосточной государственной социально-гуманитарной академии. Серия 1. Гуманитарные науки*. 2008;1:72–91.

References

1. Massi E. Geopolitica: dalla teoria originaria ai nuovi orientamenti. *Bollettino della Società Geografica Italiana*. 1986;11(3/1–6): 3–45.
2. Göney S. *Siyasi coğrafya. Cilt 2*. Istanbul: Istanbul Üniversitesi; 1993. 175 s.
3. Lacoste Y. Che cos'è la Geopolitica? (I). *Limes*. 1993;4:265–270.
4. Kolosov VA, Mironenko NS. *Geopolitika i politicheskaya geografiya* [Geopolitics and political geography]. Moscow: Aspekt Press; 2001. 479 p. Russian.

5. Agnew J. *Geopolitics: re-visioning world politics*. 2nd edition. London: Routledge; 2003. 154 p.
6. Zamyatin DN. *Vlast' prostranstva i prostranstvo vlasti. Geograficheskie obrazy v politike i mezhdunarodnyh otnosheniyah* [Power of space and the space of power. Geographical images in politics and international relations]. Moscow: ROSSPEN; 2004. 352 p. Russian.
7. Jean C. *Manuale di geopolitica*. 4° edizione. Roma: Laterza; 2007. 348 p.
8. Dugin AG. *Geopolitika* [Geopolitics]. Moscow: Akademicheskii proekt; 2011. 583 p. Co-published by the «Gaudeamus». Russian.
9. Castells M. *The information age: economy, society and culture. Volume 1. The rise of the network society*. Oxford: Blackwell Publishers; 1996. 594 p.
10. Nye JS Jr. *Soft power. The means to success in world politics*. New York: Public Affairs; 2004. 191 p.
11. Turco A. Pragmatiche della territorialità: competenza, scienza, filosofia. *Bollettino della Società Geografica Italiana*. 2000; 11(5/1–2):11–22.
12. Okunev IYu. Territorial and spatial identity: new approach to the basic concepts. *Comparative Politics Russia*. 2018;9(1): 18–25. Russian. DOI: 10.24411/2221-3279-2018-00002.
13. Parker G. *Geopolitics: past, present and future*. London: Pinter Publishers; 1998. VIII, 199 p.
14. Ó Tuathail G. *Critical geopolitics. The politics of writing global space*. Minneapolis: University of Minnesota Press; 1996. 326 p.
15. Bachvarov M, compiler. *Geopolitika. Terminologichen spravochnik* [Geopolitics. Terminological dictionary]. Sofia: Petekson; 1999. 196 p. Bulgarian.
16. Vallega A. *Geografia culturale: luoghi, spazi, simboli*. Turin: UTET Università; 2003. XV, 381 p.
17. Harvey D. *The condition of postmodernity: an enquiry into the origins of cultural change*. Oxford: Blackwell Publishing; 1989. IX, 378 p.
18. Soja EW. *Postmodern geographies: the reassertion of space in critical social theory*. London: Verso; 1990. 228 p.
19. Abler RF, Adams JS, Gould P. *Spatial organization: the geographer's view of the world*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall; 1971. 587 p.
20. Settis S. *Paesaggio, costituzione, cemento. La battaglia per l'ambiente contro il degrado civile*. Turin: Einaudi; 2010. 326 p.
21. Gottmann J. *La politique des États et leur géographie*. Paris: Armand Colin; 1952. XI, 228 p.
22. Bachvarov M. [Clash of civilizations or cultural iconography in a globalizing world]. In: Krasteva A, compiler. *Obshchnosti i identichnosti v Balgariya* [Communities and identities in Bulgaria]. Sofia: Petekson; 1998. p. 241–261. Bulgarian.
23. Dalby S. Critical geopolitics: discourse, difference and dissent. *Environment and Planning D: Society and Space*. 1991;9(3): 261–283. DOI: 10.1068/d090261.
24. Ó Tuathail G, Agnew J. Geopolitics and discourse: practical geopolitical reasoning in American foreign policy. *Political Geography*. 1992;11(2):190–204. DOI: 10.1016/0962-6298(92)90048-X.
25. Sharp JP. Publishing American identity: popular geopolitics, myth and the reader's digest. *Political Geography*. 1993;12(6): 491–503. DOI: 10.1016/0962-6298(93)90001-N.
26. Dalby S, Ó Tuathail G. *Rethinking geopolitics*. London: Routledge; 1998. 333 p.
27. Antonsich M. Itinerari geopolitici contemporanei. *Quaderni del Dottorato di Ricerca in Geografia politica*. 1995;5:15–57.
28. Okunev IYu. *Geopolitika mikrogosudarstv* [Geopolitics of microstates]. Moscow: MGIMO-Universitet; 2014. 243 p. Russian.
29. Okunev IYu. [Geographical imagination as a subject of research of critical geopolitics (review)]. *Political Science (RU)*. 2009;4:126–137. Russian.
30. O'Loughlin J, Ó Tuathail G, Kolossov V. Russian geopolitical culture and public opinion: the masks of Proteus revisited. *Transactions of the Institute of British geographers*. 2005;30(3):322–335. DOI: 10.1111/j.1475-5661.2005.00174.x.
31. Ó Tuathail G. Understanding critical geopolitics: geopolitics and risk society. *Journal of Strategic Studies*. 1999;22(2–3): 107–124. DOI: 10.1080/01402399908437756.
32. Müller M. Reconsidering the concept of discourse for the field of critical geopolitics: towards discourse as language and practice. *Political Geography*. 2008;27(3):322–338. DOI: 10.1016/j.polgeo.2007.12.003.
33. Busygina IM, Okunev IYu. [The spatial distribution of power and the strategy states, or How and what explains the geopolitics]. *Polis. Political studies*. 2014;2:106–123. Russian.
34. Busygina IM. [Destiny of geographical knowledge in political science and education]. *Polis. Political studies*. 2003;1:149–158. Russian.
35. Okunev IYu, Kuchinov AM. Examining space and power: multiple variations of geopolitical studies. *Mezhdunarodnye protsessy*. 2013;11(3–4):74–84. Russian.
36. Kolosov VA. [Critical geopolitics: main concepts and field experience in Russia]. *Political Science (RU)*. 2011;4:31–52. Russian.
37. Kolosov VA. [«Low» and «high» geopolitics]. *Otechestvennye zapiski*. 2002;3:33–51. Russian.
38. Vasilenko IA. *Geopolitika sovremennogo mira* [Geopolitics of the modern world]. Moscow: Gardariki; 2006. 317 p. Russian.
39. Zamyatin DN. *Gumanitarnaya geografiya: prostranstvo i yazyk geograficheskikh obrazov* [Human geography: space and language of geographical images]. Saint Petersburg: Aleteiya; 2003. 331 p. Russian.
40. Zamyatin DN. Phenomenology of geographic images. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2001;8:12–21. Russian.
41. Kozolupenko DP. *Mifopoeticheskoe mirovospriyatie* [Mythopoetic worldview]. Moscow: Kanon-plyus; 2009. 432 p. Russian.
42. Tuan Y-F. Space and place: humanistic perspective. In: Gale S, Olsson G, editors. *Philosophy in geography*. Dordrecht: Springer; 1979. p. 378–427. (International series in the philosophy and methodology of the social and behavioral sciences; volume 20). DOI: 10.1007/978-94-009-9394-5_19.
43. Agnew JA. Space and place. In: Agnew JA, Livingstone DN, editors. *Sage handbook of geographical knowledge*. London: SAGE Publications; 2011. p. 316–331. DOI: 10.4135/9781446201091.n24.
44. Zamyatin DN. [Geographical images of world development]. *Social Sciences and Contemporary World*. 2001;1:125–137. Russian.
45. Augé M. *Non-lieux. Introduction à une anthropologie de la surmodernité*. Seuil: La Librairie de XXIe siècle; 1992. 160 p.

Russian edition: Augé M. *Ne-mesta. Vvedenie v antropologiyu gipermoderna*. Konnov AYu, translator. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2017. 136 p.

46. Dodds K. Political geography III: critical geopolitics after ten years. *Progress in Human Geography*. 2001;25(3):469–484. DOI: 10.1191/030913201680191790.

47. Drozdov AYu. Psychological aspects of mass geopolitical consciousness. *GESJ: Education Science and Psychology*. 2013;2: 8–15. Russian.

48. Todorova M. *Imagining the Balkans*. New York: Oxford University Press; 1997. 272 p.

49. Mihaylov VT. Balkans as a problematic space of supranational identity. *Kul'turnaya i gumanitarnaya geografiya*. 2013;2(2): 140–152. Russian.

50. Krastev V. The tourism as an instrument of «soft power» of the space: geopolitical interpretation on the example of Bulgaria. *Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik Assotsiatsii rossiiskikh geografov-obshchestvovedov*. 2017;6:92–102. Russian.

51. Orlova IB. *Evraziyskaya tsivilizatsiya. Sotsialno-istoricheskaya retrospektiva i perspektiva* [Eurasian civilization. Socio-historical retrospective and perspective]. Moscow: Norma; 1998. 275 p. Russian.

52. Dugin AG. *Proekt «Evrasiya»* [«Eurasia» project]. Moscow: Eksmo; 2004. 512 p. Russian.

53. Zamyatin DN. [Geocracy. Eurasia as an image, symbol and project of Russian civilization]. *Polis. Political studies*. 2009;1: 71–99. Russian.

54. Corna-Pellegrini G. Cartografia e geografia: un rapporto in evoluzione. *Bollettino della Società Geografica Italiana*. 1982; 10(11):565–576.

55. Kalutskov VN. [Geographic approaches to the creation of historical and cultural images]. In: Mal'kova VK, Tishkov VA, editors. *Kul'tura i prostranstvo. Kniga 2. Istoriko-kul'turnye brendy territorii, regionov i mest* [Culture and space. Book 2. Historical and cultural brands of territories, regions and places]. Moscow: Institute of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences; 2010. p. 58–82. Russian.

56. Magris C. *L'infinito viaggiare*. Milano: Mondadori; 2005. XXVIII, 243 p.

57. De Blij HJ. *Geografia umana. Cultura, società, spazio*. Bologna: Zanichelli; 2002. 544 p.

58. Stoycheva M. *Evropeiska identichnost. Teoretichni dilemi i analitichni podhodi* [European identity. Theoretical dilemmas and analytical approaches]. Sofia: Publishing House of the St. Kliment Ohridski; 2016. 368 p. Bulgarian.

59. Paasi A, Zimmerbauer K. Theory and practice of the region: a contextual analysis of the transformation of Finnish regions. *Treballs de la Societat Catalana de Geografia*. 2011;71–72:163–178.

60. Zamyatin DN. [Identity and territory]. In: Semenenko IS, Fadeeva LA, Lapkin VV, Panov PV, editors. *Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza. Sbornik statei po itogam Vserossiiskoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii; 21–22 oktyabrya 2010 g.; Moskva, Rossiya* [Identity as a subject of political analysis. Collection of articles on the results of the All-Russian scientific-theoretical conference; 2010 October 21–22; Moscow, Russia]. Moscow: Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; 2011. p. 186–203. Russian.

61. Zamyatina NYu. [Territorial identities and social structures]. *Social Sciences and Contemporary World*. 2012;5:151–163. Russian.

62. Kolosov VA. Geographical images and geopolitical ideas: ways of formation and approaches to studying. *Vestnik Dal'nevostochnoi gosudarstvennoi sotsial'no-gumanitarnoi akademii. Seriya 1. Gumanitarnye nauki*. 2008;1:72–91. Russian.

Статья поступила в редколлегию 15.07.2020.
Received by editorial board 15.07.2020.